

Гуленина С.В., Стрелец М.Ю.
Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия
E-mail: guleninasv@mail.ru, mystrelec@mail.ru

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИДЕНТИФИКАЦИИ ФЕНОМЕНА «СОЦИАЛЬНЫЙ ОБМАН»

В исследовании рассмотрены феномены социальной дезинформации в контексте альтернативных социопсихологических подходов к их исследованию в реальном и виртуальном пространстве социума. В центре внимания так называемые «фейковые» сообщения, блокирующие когнитивно-нравственные фильтры и порождающие психо-эмоциональные реакции, фобии, охватывающие значительные целевые группы населения в виде «фейковых эпидемий». Проблема заключается в затрудненности идентификации феноменов социального обмана (и самообмана) и их эффективного разоблачения.

В ходе исследования нами установлено, что существуют два альтернативных подхода к данной проблеме. Первый связан с восприятием фейковых сообщений как «нормальных» и способствующих адаптации реципиентов к сложной, постоянно меняющейся медиа-среде (постмодернистские концепции Ж. Бодрийяра, Ж. Дерриды, Ж.Ф. Лиотара и др.). Второй подход базируется на традиционных культурных ценностях и механизмах, позволяющих различать истинную и ложную картину мира, ее реальные и виртуальные подсистемы (И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Л.Н. Толстой, В.М. Найдыш, Д. И. Дубровский и др.). Мы солидарны с вторым подходом, отрицающим культурный паритет любого современного дискурса и утверждающим принцип демаркации медиа-картины мира по линии ее истинного и ложного содержания.

Таким образом, социальный обман и самообман имеют тенденцию к широкому распространению, чему способствуют: цифровизация всех культурных форм и отраслей; увеличение объема виртуального медиа-общения (особенно, молодежной аудитории); практика организационно-бюрократического использования «порционного» информирования населения, оправдываемая его «неподготовленностью» и «пользой для общества в целом». Встает задача реабилитации принципа качественного, истинного и своевременного социального информирования, с целью преодоления имеющегося в социуме кризиса доверия людей друг к другу и административной структуре общества. Практически все эксперты политического, экономического и социокультурного профиля отмечают, что после пандемии «мир станет принципиально иным». Задача гуманитаристики в целом состоит в сохранении его «человекоразмерности», а значит, в противостоянии попыткам утвердить в нашей жизни социальный обман и иные деструктивные явления в коммуникативном пространстве социума.

Ключевые слова: социальный обман, самообман, виртуальное общение, самопрезентация личности, доверие, коммуникативная и нравственная безопасность.

Gulena S.V., Strelets M.Y.
Orenburg State University, Orenburg, Russia
E-mail: guleninasv@mail.ru, mystrelec@mail.ru

ALTERNATIVE SOCIOPSYCHOLOGICAL APPROACHES TO IDENTIFICATION OF THE PHENOMENON “SOCIAL DECEPTION”

The article analyzes the phenomena of social disinformation in the context of alternative sociopsychological approaches to their research in the real and virtual space of society.

The focus is on the so-called “fake” messages that block cognitive-moral filters and generate psycho-emotional reactions, phobias, covering significant target groups of the population in the form of “fake epidemics”. The problem lies in the difficulty of identifying the phenomena of social deception (and self-deception) and their effective exposure.

There are two alternative approaches to this problem: the first is associated with the perception of fake messages as “normal” and contributing to the adaptation of recipients to a complex, constantly changing media environment (postmodern concepts of J. Baudrillard, J. Derrida, J. F. Lyotard, etc.).

The second approach is based on traditional cultural values and mechanisms that make it possible to distinguish between the true and false picture of the world, its real and virtual subsystems (I. A. Ilyin, N. A. Berdyaev, L. N. Tolstoy, V. M. I. Dubrovsky and others). The authors agree with the second approach, which denies the cultural parity of any modern discourse and affirms the principle of demarcation of the media picture of the world along the line of its true and false content.

Thus, social deception and self-deception tend to be widespread, which is facilitated by: digitalization of all cultural forms and industries; an increase in the volume of virtual media communication (especially for the youth audience); the practice of organizational and bureaucratic use of «portioned» informing of the population, justified by its «unpreparedness» and «benefit to society as a whole.»

The task is to rehabilitate the principle of high-quality, true and timely social information, in order to overcome the crisis of people’s trust in each other and the administrative structure of society that exists in society.

Almost all political, economic and sociocultural experts note that after the pandemic, «the world will become fundamentally different.» The task of the humanities as a whole is to preserve its «human dimension», which means, to resist attempts to establish social deception and other destructive phenomena in the communicative space of society in our life.

Key words: social deception, self-deception, virtual communication, personality self-presentation, trust, communicative and moral safety.

Понятия «фейк» (с англ. – «поддельный, фальшивый») и «информация» кажутся плохо совместимыми: ведь информирование, прежде всего, предполагает снабжение правдивыми фактами и цифрами, сообщения о действительно произошедших (или предполагаемых, будущих) событиях. Всем известны, однако, случаи преднамеренного или непреднамеренного обмана, в который вводится реципиент сообщения, а, чаще, массовая аудитория. Социологи и психологи говорят даже о «фейковых эпидемиях», охватывающих многие или целевые социальные группы, когда ложное сообщение имеет под собой некоторое фактическое основание, типа процесс распространения по миру короновирусного заболевания. Фейковым здесь является не сам вирус или наличие его жертв – заболевших, умерших, – а их количество в определенных регионах, то есть масштаб бедствия или эффективность мероприятий по борьбе с ним...

Миллионы просмотров набирали сообщения в интернете типа: «Внимание! Знакомая из полиции (минздрава) рассказала! Прошу перепоста, речь идет о безопасности наших детей!» Далее идут невероятные, просто неподтвержденные цифры, крики о бездействии властей и соответствующих служб. Сообщения принимают лавинообразный вид, обрастают подробностями («не ешьте бананы» и т. п.), и в конце концов вспыхивает паника – крайний и неуправляемый страх, охватывающий массовую аудиторию, в особенности, женскую, для которой типична повышенная эмоциональность, тревога и страх за детей. Рациональные реакции в этом случае блокируются, включается психический механизм «бей или беги», но «кого» или «куда» – не понятно, но и социальное напряжение многократно возрастает, ожидая «триггера» для разрядки в различных девиантных формах поведения.

Среди социальных групп, наиболее подверженных такому воздействию можно выделить и молодежь, по причине их частого пребывания в виртуальном пространстве.

Само качество этой виртуальности располагает к «фейкам»: это – плод воображения, универсальной сферы массового сознания. По утверждению Ювай Ной Харрари, «любое широкомасштабное человеческое сотрудниче-

ство – от современного государства до средневековой церкви, античного города и древнего племени – вырастает из общих мифов, из того, что существует исключительно в воображении людей... В реальности нет богов, наций и корпораций, нет денег, прав человека и законов, и справедливость живет лишь в коллективном воображении людей».¹ (Мысль не совсем новая: ещё Демокрит в античные времена говорил, что в мире есть только атомы и пустота, а такие «иллюзии», как звук, цвет, запах..., возникают при встрече с людскими органами восприятия).

Появление в 20 веке «виртуалистики» – комплексной научной дисциплины – означало признание некой «гиперреальности», упраздняющей ту реальность, которую мы принимаем за единственную (Ж. Бодрийар). Отказ от единственно «правильной» реальности назван «полионтическим» взглядом на мир, когда он перестает быть только внешним объектом: человек – всегда «внутри» мира, и здесь виртуальная реальность столь же истина, что и «объективная». Компоненты виртуальности, или «симулякры» менее избыточны, чем физические объекты и потому лучше выражают их сущность.

Интерактивная среда, конструируемая с помощью технических, компьютерных средств, симулирует физические свойства объектов, помещает индивида в трехмерное графическое пространство и обеспечивает эффект его присутствия в виртуальной реальности.

Отсюда, задачей социологического и психологического изучения стала самопрезентация личности в медиа – пространстве, в интернет – общении, где проигрывание действительных социальных ролей заменяется или дополняется виртуальным статусом индивида. Такие исследования особенно важны в период ломки традиционных политических, экономических, культурных отношений, когда деформированы институты и механизмы эффективного и справедливого согласования интересов индивидов, групп и социума в целом, когда они дезориентированы в мировоззренческом и нравственном планах.

При этом актуальной остается задача, стоящая перед каждым индивидом: оптимально адап-

¹Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. – М.: Синдбад, 2019. С.36,37.

тироваться к социуму, освоив нормы и стандарты культуры и, одновременно, максимально полно и позитивно реализовать свою «самость».

Широкие возможности для самоидентификации, предоставляемые виртуальной реальностью, интернет – общением, в то же время, делают человека уязвимым в информационном отношении: он может утратить четкость восприятия грани между действительным и виртуальным, возможным и желаемым, законным и незаконным. Иными словами, он может стать таргетным объектом фейкового информирования, проще говоря, жертвой обмана. «В наше время остро стоит вопрос о подлинности и неподлинности привычных смыслов и ценностей... Речь идет о необходимости исследования природы и разновидностей таких хорошо знакомых каждому явлений, когда обман совершается из благих побуждений».² Важно отметить, что «субъектом доброжелательного (добродетельного) обмана может выступать не только отдельная личность, но также коллектив, социальная группа и социальный институт (государственные органы, общественные организации, их руководящие звенья и т. д.)».³ В этом ракурсе рассмотрения проблемы, она перестает быть чисто психологической и требует социологического подхода. Отсутствие социального доверия – благодатная почва для фейковой информации, якобы отвечающей групповым интересам и общечеловеческим ценностям, маскирующейся под альтруистические цели. Обман оправдывается стремлением к социальной стабильности к единству социума, к подъему его активности. Праксеологические задачи могут затмевать аксиологические, нравственные, когда, по словам Пушкина «тьмы низких истин нам дороже // Все возвышающий обман».⁴ Сам же он уверен, что «возвышающий обман» не может заместить «возвышающей правды».

О лжи и лицемерии в повседневном поведении людей говорил Ларошфуко: «Каждый человек, кем бы он ни был, старается напустить на себя такой вид и надеть такую личину, чтобы его приняли за того, кем он хочет казаться;

поэтому можно сказать, что общество состоит из одних только личин».⁵

(Современное интернет-общение часто демонстрирует правоту великого французского мыслителя, и в такой степени, в какой она была бы немислимой в его времена...).

Субъектом обманного информирования может быть не только индивид, но и государственные органы, действующие для «пользы общества». Исторический опыт являет многочисленные примеры того, как тоталитарное государство может, под пытками или с помощью психологического давления, склонить жертву к самооговору – лживому признанию в совершенном преступлении (политическом заговоре, в шпионаже в пользу врагов и т.п.). Здесь достаточно вспомнить о политических процессах 30–40х гг. в советской России в 20 века. Но еще гораздо раньше, в античные времена, Платон допускал возможность «полезной для государства» лжи, если она исходит не от граждан, а от их правителя, если она подобна лжи «врача больному».

Особый случай составляет неполная правда (полуправда) и её разновидности, то, что И. Виноградов назвал «порционной» и «поэтапной».⁶ В годы перестройки, по его мнению, такая позиция выражала интересы противников обновления нашего общества, консервативные и «эгоистические» (корпоративные) установки институциональных субъектов, дозирувавших социально важную информацию.

Современные бюрократические махинации в данной сфере оправдываются «неподготовленностью масс» к действиям негативно-девиантного вида. В основе же их нетрудно усмотреть все то же недоверие и высокомерие «знающих» по отношению к «незнающим», «родителей» – к детям. Ответом становится либо социальная подозрительность, либо патерналистские настроения масс и широко распространенный социальный инфантилизм. Полуправда, кроме того, сочетается с ложной информацией, искажающей целостное восприятие фактов и событий, когда адресат сообщения не владеет средствами их проверки и вынужден принимать их

² Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. – М.: Изд-во «РЭЙ», 1994. – С.26.

³ Там же.

⁴ Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. – М., 1984. – С. 214 – 215.

⁵ Ларошфуко Ф. де Мемуары. Максимумы. – Л., 1971. – С. 170.

⁶ Виноградов И. Может ли правда быть поэтапной? // В кн.: Иного не дано. – М., 1988.

на веру, опираться на неадекватный прошлый опыт или авторитет того, кто их транслирует. (Не случайно, известная правовая присяга требует а) говорить правду, б) только правду и в) ничего, кроме правды).

Неполное или даже ложное информирование нуждается в вере адресата в правдивость сообщения, в развеянии его сомнений и критических установок: «Обманное действие в форме полуправды, производимое институциональным субъектом, имеет системный характер. Это ясно проявляется, когда в роли институционального субъекта выступают государство или его органы. Тут характер полуправды детерминирован всей наличной информационно-пропагандистско-управленческой системой, задающей фильтры и каналы распространения информации, допустимые способы её оценки и интерпретации».⁷

Восприятие «государственной правды», как действительной, обеспечивается традиционно-устойчивой верой в правдивость официальных органов, а также профессиональным мастерством массовых коммуникаторов – пропагандистов, чиновников, специалистов в области «PR – технологий, пресс – служб и т. п.».

Ассортимент манипуляций массовым сознанием широк, но главным в нем остаются приемы сокрытия правды, а также дозирования «плохого» и «хорошего», «хорошее же гипертрофируется под предлогом государственных интересов, защиты прав народа, национального достоинства, патриотизма, оптимизма, борьбы с врагами и т. п.».⁸

Общество, стремящееся к выздоровлению (ибо больному говорят лишь «хорошее»), должно быть готово к борьбе с утонченными способами социального обмана и самообмана. Повышение коммуникативной культуры связано с публичным санкционированием информации «неудобной», якобы несвоевременной, разоблачающей камуфляж негативных явлений, возвращающей доверие широких общественных кругов к властной администрации на всех её уровнях. Не стоит забывать и о таком качестве «правды» как её процессуальность: «В большинстве случаев правда не является уже «готовой» и окончательно установившейся, которую

остаётся пропагандировать, внушать другим, придерживаясь строго стандарта. Она – живое образование, открытое для корректирующих воздействий жизни».⁹

И, наконец, особое внимание заслуживает феномен самообмана, которому подвержен не только индивид («Ах, обмануть меня не сложно // Я сам обманываться рад» – Пушкин), но и коллективные субъекты социума: группы, организации, институты. Преодолев один самообман, они могут оказаться в плену другого, и не меньшего. На самообмане строится, как правило, и социальный обман, использующий не критичность, догматичность мышления, неуверенность или мнимость индивида, неустойчивость социального положения, самовосприятия группы людей, мировоззренческую растерянность, аномию в обществе, в целом.

«Вера в том, что ты на самом деле не веришь», или «неверие в то, что ты веришь» часто порождают гипотические конструкции не действительного бытия, а желаемого, должного как возможного... Психомодальности «есть», «могу», «возможно», «должно» в социологическом аспекте могут противоречить друг другу, превращаясь в социальные противоречия, вызывая конфликты самоидентификации в ролях и статусах индивидов и групп.

Наиболее сложный результат дает самообман в сфере нравственности, когда расплываются представления о добре и зле: добром представляются любые средства в борьбе со злом, например, эксплуатацией, насилием одних над другими и т. д. Обман, здесь, – не только допустим, но и необходим, считают радикалы, революционеры. Тем же средством пользуются их противники из властных провластных кругов.

Обман рассматривается как «добро» в функции сохранения тайны и честно используется в своих корпоративных интересах, типа «защиты чести мундира», бюрократическим сообществом, органами безопасности, силовыми структурами, церковными кругами, националистическими группами, региональными структурами и т. п. Сохранение «статус кво», общественной стабильности также выступает в качестве оправдания «тайнодействия».

⁷ Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. – М.: Изд-во «РЭИ», 1994. – С.65.

⁸ Там же. – С.66.

⁹ Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. – М.: Изд-во «РЭИ», 1994. – С.61.

Виды и формы, пути и обмана как ухода от правды, её всеразоблачающего света многообразны, пронизывают всю социальную жизнь и, несомненно, составляют её важнейшую проблему, атрибутивный признак человеческой коммуникации в целом.

И тем не менее, нельзя впадать в релятивизм, отрицающий какие-либо четкие границы между добром и злом, справедливостью и несправедливостью, правдой и обманом (ложью).

Правда остается высшей ценностью человеческого бытия, социальной жизни. Правда – ценностно осмысленная истина; русская философия предложила свою «формулу»: «Правда = Истина плюс Нравственность».

Не правда должна «изменяться по жизни», утверждал Лев Толстой, а жизнь по правде, и призывал не верить тому, кто говорит, что до полной правды не дойти.¹⁰

С точки зрения философов, «Все страдает, но только человек, осмысливая свою кардинальную цель, различает должное и недолжное, сущее и суету с помощью совести – свидетельства о безусловно должном, об объективной истине, правде».¹¹

Наглое господство лжи, социального обмана расшатывает всю систему человеческих ценностей, порождая цинизм, угрожающий всей системе общественных связей и отношений. Социальный обман направлен не только против доверия людей, но и против их человеческого достоинства, чувства собственной значимости, самоценности.

Правдивость – основа человеческой коммуникации, взаимопонимания себя и других, самоидентификации в сферах действительного и виртуального общения, поэтому она является, основной социальной стабильности и условием эффективного подлинного, а не мнимого общественного развития.

Угрозы и вызовы «нового глобального порядка» стоят буквально на пороге мира, его стран, охваченных жадной использованием цифровых технологий. Модный термин «цифровизация» (экономики, государственного управления, медицины, образования и т. д.)

пронизывает не только стратегические планы и проекты, но и вполне насущные мероприятия правительств и управляющих центром мира. Особенную опасность эта «жажда порядка» представляет для населения стран, далеких от избытка демократических форм жизни.

Неплохим экспериментальным полигоном для создания внечеловеческих, поостережемся от слова «античеловеческих», технологий стала жизнь «он-лайн» в период пандемии коронавируса: перевод почти всех общественных процессов на «удаленку», введение дистанционного образования, телемедицины, видеоконференций и т. п. явлений.

Наряду с, казалось бы, неплохими системами, типа «умный дом» или «умный город», «цифровое» правительство и вообще государство, появились планы всеобщей идентификации населения на основе единых информационных платформ и «чтения лиц». Озабоченные политики, прежде всего, из оппозиционных кругов, эксперты, ученые, деятель искусства заговорили о возможности тотальной слежки за населением, незаконного проникновения в личную и общественную жизнь граждан, нарушения их фундаментальных прав и свобод. Все это имело место и в традиционном обществе. С появлением же супертехнологий, да ещё и замаячившего на горизонте «искусственного интеллекта», возникает вполне конкретная опасность превращения старого мира в «новый дивный».

Антиутопии постепенно перемещаются из сферы искусства и футурологии в реальность, и пресловутые «теории мирового заговора», в виде всеобщей цифровизации, приобретают новый и действительный вид. Конспирология открывается.

Все эксперты политического, экономического и культурного профиля в один голос говорят о том, что после пандемии «мир станет принципиально иным», что мы – на пороге глобальных ментальных перемен.

В социологическом аспекте, проблема имущественного расслоения общества на замкнутые, если говорить об «избранных», и расширяющиеся, бедные «массы» приобретает особенную глубину. В России, к общемировым – «вирусным» – трудностям в экономике добавились падение цен на нефть и соответствующая девальвация рубля. По причине непринадлежности рубля к

¹⁰ Толстой Л.Н. Путь жизни. – М.: Республика, 1993. – 431 с.

¹¹ Гуленина С.В., Стрелец Ю.Ш. Власть совести: Этико-психологическое содержание смысла человеческой жизни. Монография. – Оренбург, РИК ГОУ ОГУ, 2004, – С.92.

мировым резервным валютам, его нельзя просто «напечатать» и раздать в виде прямых выплат населению (так называемых «вертолетных денег»). Это по мнению А. Силуанова и других финансовых руководителей нашей страны. Остается нести существенные бюджетные потери и «распечатывать кубышку» фонда национального благосостояния.

Многие, если не все, материальные проблемы коренятся в духовной сфере, связаны с утратой значительной части населения доверия к властным структурам, чиновничеству, разросшемуся в Российской Федерации до четырех миллионов человек. Цифровизация, как будто, призвана уменьшить это число за счет внечеловеческих технологий, но возникает другая опасность: дегуманизации всей системы общественного управления и самоуправления.

Ученые мира даже заговорили об изменении природы человека под влиянием научно-технических преобразований. Возможно, дело не зайдет столь далеко, однако ментальные качества и характеристики массового общества трансформируются, задевая не только сферу познания, мировоззрения людей, но и их волевые интенции, ориентации.

Когнитивный план бытия человека более подвержен внешнему регулированию со стороны заинтересованных властных структур; более устойчив волевой, связанный со свободной человеческой волей. Здесь, возможно, и коренится надежда на то, что человечество не расстанется со своей природой... Надежда на то, что она будет противостоять всем попыткам утвердить в нашей жизни «социальный обман».

18.05.2021

Список литературы:

1. Виноградов И. Может ли правда быть поэтапной // Иного не дано. – М.: Молодая гвардия, 1988.
2. Гуленина С.В., Стрелец Ю.Ш. Власть совести: Этико-психологическое содержание смысла человеческой жизни. Монография. – Оренбург, РИК ГОУ ОГУ, 2004.
3. Долгов М.И. Классификация информационно-психологических воздействий и оценка степени их угроз для общественного сознания // Общество: политика, экономика, право. Краснодар: ХОРС, 2016. – С. 47-52.
4. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. – М.: Изд-во «РЭИ», 1994.
5. Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. – Л., 1971.
6. Михеев Е.А., Нестик Т.А. Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований // Социальная психология и общество. – 2018. -Т.9.№2. – С.5-20.
7. Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. – М., 1984.
8. Толстой Л.Н. Путь жизни. – М.: Республика, 1993.
9. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. – М.: Синдбад, 2019.

References:

1. Vinogradov I. Can the truth be phased // There is no other way. – М.: Young Guard, 1988.
2. Gulenina S.V., Strelets Yu.Sh. The Power of Conscience: Ethical and Psychological Content of the Meaning of Human Life. Monograph. – Orenburg, RIK GOU OSU, 2004.
3. Dolgov M.I. Classification of information and psychological influences and assessment of the degree of their threats to public consciousness // Society: politics, economics, law.-Krasnodar: HORS, 2016.– S. 47-52.
4. Dubrovsky D.I. Deception. Philosophical and psychological analysis. – М.: Publishing house “RAY”, 1994.
5. La Rochefoucauld F. de. Memoirs. Maxims. – L., 1971.
6. Mikheev E.A., Nestik T.A. Disinformation in social networks: state and prospects of psychological research // Social psychology and society. – 2018.– T.9. №2. – P. 5-20.
7. Pushkin A.S. Poems. Poems. – М., 1984.
8. Tolstoy L.N. The path of life. – М.: Republic, 1993.
9. Harari Yu.N. Sapiens. A Brief History of Humanity. – М.: Sinbad, 2019.

Сведения об авторе:

Гуленина Светлана Валентиновна, доцент кафедры управления персоналом, сервиса и туризма
Оренбургского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент
E-mail: guleninasv@mail.ru

Стрелец Мария Юрьевна, студентка 4 курса Высшей школы современных социальных наук (факультета)
Московского государственного университета
E-mail: mystrelec@mail.ru

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, д. 13